

А.Д. Терлецкий

Аглая

Епанчина Аглая Ивановна — персонаж романа Ф.М. Достоевского «Идиот», младшая (третья) дочь генерала Ивана Федоровича Епанчина, человека «без образования», «из солдатских детей». Мать Аглаи — Лизавета Прокофьевна — происходила из «весьма древнего» княжеского рода Мышкиных. В семье Епанчиных Аглая была «бесспорною красавицей» Старшим сестрам — Аделаиде и Александре — «судьба» ее виделась как возможный идеал «земного рая». Приданое для Аглаи — «общего домашнего кумира» — предназначалось «колоссальное из ряду вон». Будущий супруг ее «должен был быть обладателем всех совершенств и успехов, не говоря уже о богатстве».

Евгений Павлович Радомский («человек еще молодой, лет двадцати восьми, флигель-адъютант»), увидев Аглаю, «стал необыкновенно усидчив в доме Епанчиных», имел с нею объяснение, но получил «формальный отказ». «Чрезвычайная» красота Аглаи сразу же «увлекла» князя Мышкина. «Вы так хороши, — говорит он ей, — что на вас боишься смотреть. ...Почти как Настасья Филипповна, хотя лицо совсем другое!» Неравнодушен к Аглае и Ганя Иволгин: ради нее он готов «разорвать» с Настасьей Филипповной, но при этом хочет, чтобы она ему, «взамен ста тысяч, на себя надежду дала». Записку Гани, в которой он «гарантии просит», Аглая велела прочесть Мышкину и ему же продиктовала для Гани ответ: «Я в торги не вступаю». На красавицу Аглаю просит дать ему возможность «в последний раз в жизни посмотреть» Ипполит Терентьев. Ей он посвящает свою «Исповедь», в нее он влюбится и будет писать к ней.

Лизавета Прокофьевна считает Аглаю своим «портретом всех отношений: «Девка самовластная, сумасшедшая, избалованная, — полюбит, так непременно бранить будет и в глаза издеваться; я точно такая же была»; «самовольный, скверный бесенок! Нигилистка, чудачка, безумная, злая... как она будет несчастна!» Правда, по мнению матери, есть и существенная разница между ней и дочерью: сама она — «дура с сердцем без ума», а Аглая — «дура с умом без сердца», но обе они несчастны, обе — страдают. Мышкин говорит Аглае, что она очень похожа на свою мать.

Генерал Епанчин характеризует Мышкину свою дочь следующим образом: «...Это такое самовольное и фантастическое создание, что и рассказать нельзя! Все великодушия, все блестящие качества сердца и ума — это все, пожалуй, в ней есть, но при этом каприз, насмешки, — словом, характер бесовский и вдобавок с фантазиями». Отцу кажется, что Аглая над Мышкиным «как ребенок смеется» — «просто дурачит» его и всех их «от безделья».

По словам Коли Иволгина, Аглая, перебирая месяц назад «Дон-Кихота», воскликнула, что нет ничего лучше «рыцаря бедного». «Рыцарь бедный, — разъясняет свою мысль Аглая, — тот же Дон-Кихот, но только серьезный, а не комический». Он, по ее мнению, заслуживает «глубочайшего уважения», потому что, во-первых, это «человек, способный иметь идеал, во-вторых, раз поставив себе идеал, поверить ему, а поверив, слепо отдать ему всю свою жизнь». Такое, считает Аглая, «не всегда в нашем веке случается». Тут же, на даче у Мышкина, она читает вслух балладу Пушкина о «рыцаре бедном», глядя «на одного только князя» и единственно к нему обращаясь. При чтении Аглая намеренно переменила буквы «А. М. Д.», которые «своею кровью начертал он (герой баллады) на щите», в буквы «Н. Ф. Б.». Несмотря на то, что «шутка» была исполнена Аглаей с «невинною и наивною простотою», князь был тяжело и неприятно уязвлен ее выходкой.

Аглая краснеет «от стыда» за «смешной характер» Мышкина. Когда он однажды начал при всех говорить о своих недостатках, она «в последней степени негодования»

заявила ему: «...Здесь все... не стоят вашего мизинца, ни ума, ни сердца вашего! Вы честнее... благороднее... лучше... добрее... умнее всех! ...Для чего же вы себя унижаете и ставите ниже всех?». Ей кажется, что Мышкин все в себе исковеркал, она сожалеет о том, что в нем «гордости нет». В «истерическом состоянии» Аглая кричит князю: «Я ни за что за вас не выйду замуж!». Когда же у Мышкина вырывается: «Я вас не просил, Аглая Ивановна», — она вдруг раздражается «прямо ему в глаза... веселым и неудержимым хохотом». На этом «загадки» Аглаи не кончаются. Она решается говорить с Мышкиным «об одном чрезвычайно важном деле» и назначает ему встречу в семь часов утра на скамейке в парке.

На свидание Аглая позвала князя для того, чтобы сделать ему предложение быть ее «другом». Она откровенно рассказывает ему о том, что до сих пор «никуда не ходила; все дома сидела, закупоренная как в бутылке, и из бутылки прямо замуж» пойдет. Ей не хочется быть «генеральскою дочкою»; она давно уже объявила отцу и матери, что хочет полностью изменить свое «социальное положение». Ей хочется «быть смелою и ничего не бояться», хочется «пользу приносить», а не по «балам ездить»; хочется и «в Риме быть», и «в Париже учиться». Мышкина Аглая выбрала для того, чтобы он ей помог осуществить ее детскую мечту — «еще четырнадцати лет» она хотела «бежать из дому». Теперь она уже «все понимает», «все запрещенные книги прочла». Аглая предлагает князю «вместе заняться воспитанием», потому что знает, как он любит детей. Ей даже кажется, что он «очень грубо» судит Ипполита («У вас нежности нет: одна правда, стало быть, несправедливо»). Сама она в тринадцать лет, «раз тридцать» отравиться думала, представляла себе, как будет «в гробу лежать», а все плакать над нею будут и обвинять себя в жестокости. Когда речь коснулась Настасьи Филипповны, Аглая сначала вдруг «точно отрезала» Мышкину: «Я вас совсем не люблю»; затем стала уговаривать его «пожертвовать собой» ради Настасьи Филипповны, но когда узнала, что он сюда «для нее» приехал, попросила его «взять эти три письма (Настасья Филипповны к Аглае) и бросить ей от меня!»

Варя Иволгина в разговоре с Ганей вспоминает, что Аглая ребенком по два-три часа проживала в «шкапу», лишь бы «только не выходить к гостям», и до сих пор она застенчива и стыдлива до «сумасбродства». Но, говорит Варя брату, «пусть она смешная и чудачка, да зато благороднее всех нас в тысячу раз»: «она от первого жениха отвернется, а к студенту какому-нибудь умирать с голоду, на чердак, с удовольствием бы побежала, — вот ее мечта!» Коля Иволгин «с авторитетом и внушительно» заявил Мышкину, что Аглая просто в него влюблена.

Князь беспокоится, что в «неопытной, но горячей и гордой головке» Аглаи созревают «какие-то особенные планы, может быть и пагубные...». Получив от нее «инструкции», как вести себя на вечернем собрании в великосветском кругу, Мышкин восклицает: «Ах, как вы прекрасны можете быть, Аглая!» После случившегося на вечере с князем припадка Аглая объявила дома, что «никогда в жизни не считала» его своим женихом, он для нее — «посторонний человек, как и всякий». Такого отзыва Лизавета Прокофьевна от Аглаи не ожидала. Но Аглая уже «ждала своего часа, который должен был все решить». Этим часом стало для нее свидание с Настасьей Филипповной, которое по просьбе Аглаи устроил Ипполит.

Войдя в комнату, где ждала ее Настасья Филипповна, Аглая «была смущена, но не робела». Однако «отвращение видимо изобразилось в ее лице, точно она боялась здесь замараться». Аглая обвинила свою соперницу в том, что она «измучила» и «кинула» князя, что она даже и не могла полюбить его, потому что любила «только один свой позор». Выговаривая «давно уже приготовленные и обдуманые слова», Аглая «не могла удержаться пред ужасным наслаждением мщения». С почти «беспредельной гордостью» призналась она, что полюбила Мышкина за то, «что всякий, кто захочет, тот и может его обмануть, и кто бы ни обманул его, он потом всякому простит». По словам Настасьи Филипповны, Аглая, решилась на встречу с ней для того, чтобы самой «лично удосто-

вериться», кого из них князь больше любит. «Вы, – говорит она Аглае, – так же меня поняли, как... горничная Дарьи Алексеевны, которая с женихом своим наемни у мирового судилась». Когда Настасья Филипповна предложила Мышкину самому сделать выбор, Аглая «не перенесла даже и мгновения его колебания... и бросилась вон из комнаты...» Трое суток после этого она «действительно была больна и... почти напролет не спала все ночи, в жару». Как заметил Мышкину «чрезвычайно» умный Евгений Павлович Радомский, Аглая «не захотела делиться с другой», она любила его «как женщина, как человека, а не как... отвлеченный дух».

О дальнейшей судьбе Аглаи известно, что она за границей вдруг вышла против желания своих родителей замуж за польского «графа», эмигранта с «темною и двусмысленною историей», пленившего ее до того, что она стала членом «заграничного комитета по восстановлению Польши» и «попала в католическую исповедальню какого-то знаменитого патера», который овладел ее умом «до испуга». За полгода после брака «граф» и его друг «исповедник» сумели «совершенно посорить Аглаю с семейством».